

ПРЕБЫВАНИЕ В АВСТРАЛИИ ЭСКАДРЫ КОНТР-АДМИРАЛА А. Б. АСЛАНБЕГОВА В 1881-1882 ГОДАХ

Среди плаваний кораблей русского флота к берегам Австралии своими масштабами, продолжительностью и политическим резонансом выделяется визит на пятый континент эскадры контр-адмирала [А.Б. Асланбегова](#) в декабре 1881-марте 1882 года, после которого в определенных кругах появились утверждения о разведывательном характере захода русской эскадры. Отзвуки подозрений такого рода дошли, к сожалению, до наших дней. Как же проходил этот визит и чем он был в действительности: визитом доброй воли или секретной миссией?

Существенным фактором в развитии русско-австралийских отношений во второй половине XIX века являлись визиты в австралийские порты кораблей русского военно-морского флота, которые имели место, как правило, при переходе кораблей из Кронштадта на Дальний Восток для пополнения отряда судов на Тихом океане или в ходе учебно-тренировочных плаваний в акватории Тихого

океана. Российское правительство стремилось использовать такие заходы в Австралию для демонстрации дружеских чувств России к народу этой страны, не забывая в то же время, что посещения пятого континента дают важную в политическом отношении возможность показать Андреевский флаг в южной части Тихого океана.

Прежде чем достичь Австралии, эскадра Асланбегова посетила тихоокеанское побережье Канады и США, Гавайские и Маркизские острова, Таити и Новую Зеландию. Программа пребывания на пятом континенте была весьма обширной. Три русских корабля - крейсер *Африка*, на котором держал свой флаг контр-адмирал Асланбегов, клиперы *Пластун* и *Вестник* пробыли в Австралии более двух месяцев, посетив Сидней (где простояли до 14 января 1882 года), затем с 17 по 26 января Хобарт, после чего отряд перешел в Мельбурн, где пробыл до 24 февраля, и, наконец, в течение 26 февраля — 3 марта состоялся визит в Гленелг (близ Аделаиды). *Африка*, кроме того, зашла еще и в порт Олбани, окончательно покинув австралийские берега 10 марта 1883 года.

Повсюду русских ожидал радушный прием, подчас выходящий далеко за рамки официального протокола. Надо, впрочем, признать, что за соблюдением всех формальностей тщательно следил сам Асланбегов, особенно когда речь шла о должном уважении к русскому флагу. В Австралии Асланбегов повсюду требовал от местных властей точного соблюдения всех формальностей протокола. Вот как рассказывает о прибытии русских кораблей в Сидней [В.Ф. Руднев](#) (в 1881-82 гг. мичман на *Африке*, впоследствии – контр-адмирал, герой русско-японской войны 1904-1905 гг.):

«К приходу крейсера прибыл адъютант генерал-губернатора... и передал, что генерал-губернатор ожидает адмирала на следующий день в час дня. По этому поводу произошел следующий разговор:

Адмирал спрашивает: - А кто меня будет встречать?

Адъютант замялся и говорит: - Мне кажется, никто, Ваше превосходительство.

- Ну, передайте вашему генерал-губернатору, что я не поеду.

*Смущенный адъютант уехал. Возвратившись через несколько времени, адъютант
должил адмиралу:*

Для Вашего превосходительства на пристани будет подана коляска генерал-губернатора, сопровождать будут адъютанты верхом, для встречи на пристани назначен почетный караул в составе роты со знаменем и музыкой, и в момент вступления на берег крепость произведет установленный салют с подъемом русского флага.

- Вот теперь я поеду, - сказал адмирал и довольный спустился себе в каюту».

На многочисленных официальных приемах присутствовали, как правило, самые высокие должностные лица местной администрации. На этих раутах Асланбегов блистал великолепным ораторским мастерством, а офицеры русских кораблей столь же охотно демонстрировали светский лоск и галантность. Банкеты в честь русских моряков устраивались также многочисленными общественными организациями и клубами.

Гостям из России выдали бесплатные железнодорожные билеты для ознакомительных поездок в глубь страны. В Элбани для офицеров *Африки* организовали даже такое экзотическое развлечение, как охота на кенгуру (оказавшаяся, впрочем, безрезультатной). «Что касается офицеров, - пишет о пребывании в Австралии врач клипера *Пластун* М. В. Смирнов, — те положительно закружились в вихре пикников и балов..., всякий из... город[ов] старался оказать любезность русскому отряду и превзойти друг друга в... гостеприимстве».

Отвечая взаимностью на дружеское расположение австралийцев, русские организовали для гостеприимных хозяев ряд приемов на флагмане отряда – крейсере *Африка*, приемы проходили с чисто русским размахом. Так, например, на бал, который организовали на борту *Африки* в Хобарте 24 января 1882 года, было приглашено около 300 человек. Жителям австралийских городов разрешили посещать русские корабли, причем бывали дни, когда их число достигало двух тысяч. Активно выполнялась и своеобразная «культурная программа»: духовой оркестр «Африки» выступал с концертами в городских парках, в Сиднее и Мельбурне устроили гребные регаты, в которых наряду с русскими приняли участие моряки кораблей британского флота, дислоцированных в Австралии.

Однако не только развлечениями для команды были заполнены дни пребывания русской эскадры на пятом континенте. Офицеры отряда с интересом знакомились с жизнью страны, изучали особенности ее политического устройства и общественного развития, собирали статистический материал об экономической и демографической ситуации в Австралии. Эти сведения систематизированы в официальном донесении Асланбегова о ходе плавания, Адмирал подробно описывает свои впечатления от австралийских городов, рассказывает о контактах с австралийскими политическими деятелями. В их числе оказались и такие видные администраторы Австралии того времени, как губернатор Нового Южного Уэльса, бывший посол Великобритании в Петербурге [лорд Лофтус](#), губернатор Тасмании, в прошлом личный секретарь английского премьер-министра [Уильяма Гладстона](#) Дж. К. Стрэкен, губернаторы Виктории маркиз Нормэнби (Normanby) и Южной Австралии У. Ф. Джервойс (Jervois - последний являлся не только заметной фигурой на политическом небосклоне Австралии, но и крупным военным инженером).

В свой рапорт Асланбегов включил обширную справку о движении цен в Австралии, внешнеторговом обороте австралийских колоний Великобритании, сведения о развитии

золотодобычи и других отраслей промышленности вплоть до виноделия. Анализу, разумеется, подвергалось и состояние австралийского судостроения и судоремонта. С этой целью в Сиднее любознательный русский адмирал вместе с мэром города и группой местных инженеров осмотрел ряд судоремонтных предприятий. Подробные и достаточно живо написанные официальные рапорты Асланбегова о пребывании его эскадры в Австралии дополняются еще более красочными рассказами об этом визите в мемуарах участников плавания. Среди них выделяются воспоминания мичмана *Африки* В. Ф. Руднева (впоследствии героя русско-японской войны, командира крейсера *Варяг*) и заметки младшего штурмана этого же крейсера прапорщика Ф.А. Тимофеевского. В них наибольший интерес представляют зарисовки повседневной жизни австралийцев, которая поразила русских своей необычайной демократичностью. Так, например, Руднев и его товарищи были буквально потрясены, когда выяснилось, что один из министров правительства Южной Австралии по профессии мясник и продолжает содержать мясную лавку.

Визит эскадры Асланбегова оказался как нельзя более кстати для находившегося в то время в Австралии известного русского путешественника [Н. Н. Миклухо-Маклая](#). Ученый искал способ возвратиться в Россию, и ему удалось устроиться пассажиром на клипер *Вестник*. Пребывание эскадры в Австралии широко освещалось как в местной, так и в русской прессе. В Австралии информация о гостях из России носила, как правило, доброжелательный характер, причем обсуждались не только боевые качества русских кораблей, но и то, что называется «русской экзотикой». Так, например, в газетах появился подробный отчет о церковной службе на одном из кораблей, причем австралийцев удивило обилие икон в каютах. Русские матросы признавались умелыми мореходами, однако в то же время отмечался и их главный недостаток - излишнее пристрастие к спиртным напиткам. Русская пресса, в свою очередь, подчеркивала сердечность оказанного морякам приема и не без патриотической гордости сообщала о победах русских гребцов во время регаты в Сиднее. В газетах восторженно отмечалось, что русские оказались первыми, кто продемонстрировал австралийцам преимущества электрического освещения. В Тасмании во время приема на борту *Африки* крейсер был залит светом «фонарей Яблочкова». «Такого освещения жители Гобарта (Хобарта. - Лет.) еще не видели и были приведены в изумление его поражающим эффектом», - так писал об этом событии *Кронштадтский Вестник*.

Одним словом, пребывание отряда русских кораблей в Австралии проходило весьма успешно и в полной мере соответствовало тому, что принято называть «визитом доброй воли». Казалось, ничто не должно было омрачить возникшую атмосферу взаимной доброжелательности. Однако еще во время нахождения отряда Асланбегова в Австралии в мельбурнской газете *Age* за 15 и 16 февраля 1882 года появились две заметки. В одной из них утверждалось, что целью плавания эскадры Асланбегова в Тихом океане является охота за английскими торговыми судами. В другой - что в распоряжении газеты якобы оказалась копия «перехваченного» донесения русского адмирала в Петербург, где речь идет о слабой защищенности Мельбурна и других австралийских городов. Впрочем, эти статьи в *Age* никто в Австралии всерьез не принял. Их общая направленность удивительным образом совпадала с теми аргументами, которые газета *Age* приводила задолго до прихода русской эскадры, требуя укрепления обороноспособности Мельбурна. Это обстоятельство подметили некоторые австралийские газеты, и публикации в *Age* были единодушно оценены как неумело состряпанные и оскорбительные для русских фальшивки.

Адмирал Асланбегов пришел в ярость. Он немедленно посетил премьер-министра Виктории Брайана О'Локлена (Bryan O'Loughlen) и потребовал объяснений, а 19 февраля направил чрезвычайно эмоциональное, полное негодования письмо губернатору Виктории маркизу Нормэнби. В своем послании (адмирал сам перевел на английский язык собственноручно написанный черновик) Асланбегов решительно отверг все обвинения прессы и потребовал привлечь авторов статей в *Age* к судебной ответственности. Одновременно он разъяснил, что отправленное им 31 января с мельбурнского почтамта

донесение в Петербург включает в себя отчет о плавании эскадры из Сан-Франциско в Австралию и не содержит «ни одного слова о портах Австралии и Тасмании». Надо сказать, что адмирал несколько не грешил против истины. Действительно, ни в опубликованном сокращенном варианте этого донесения, ни в полном его тексте, хранящемся в архиве, ничего не говорится о состоянии обороноспособности Австралии.

Губернатор Виктории в своей ответной телеграмме поспешил выразить глубокое сожаление по поводу злополучных публикаций и просил Асланбегова не обращать на них внимания. Появление этих статей Нормэнби объяснял внутривластными причинами: стремлением подтолкнуть правительство Виктории к более активному строительству оборонительных сооружений. Что касается судебного преследования авторов публикаций, то оно не исключалось, но для этого адмирал должен будет задержаться в Мельбурне. Асланбегов, конечно же, судиться не стал, объяснения Нормэнби принял и счел инцидент исчерпанным.

К сожалению, публикациями от 15 и 16 февраля редакция *Age* не ограничилась. Через две недели после ухода эскадры на страницах газеты вновь появилась статья, начавшая новый виток антирусской кампании. 23 марта увидели свет показания некоего «тайного русского агента» Генри Брайанта (он же Анри де Бомон). Тот утверждал, что Асланбегов во время визита русской эскадры в Австралию исследовал и выяснил степень защищенности ее главных портов. В скором будущем, уверял «агент», в соответствии с инструкцией, якобы полученной от российского Морского министерства, адмирал должен вступить в командование отрядом из 17 (!) крейсеров. Этими силами и будет совершено вооруженное нападение на главные австралийские порты. В статье приводились впечатляющие размеры контрибуции, которую коварный русский адмирал взыщет с Сиднея, Мельбурна и Аделаиды. *Age* опубликовала также переданный редакции Брайантом написанный по-французски черновик еще одной «шифрованной депеши Асланбегова» в Петербург, содержащий данные о слабой защищенности Австралии, что «подтверждало» возможность безнаказанного захвата пятого континента. Из текста депеши следовало также, что якобы до Брайанта-Бомона обязанности русского агента в Австралии выполнял Н.Н. Миклухо-Маклай. Брайант заявил, что он сам помогал Асланбегову составлять текст депеши в Петербург, но, не поладив с адмиралом и прервав все связи с русскими, решил сделать известные ему сведения достоянием гласности.

Статья в *Age* от 23 марта вызвала отклики в австралийских газетах, взбудоражила общественное мнение и даже побудила премьер-министра Виктории О'Локлена обратиться за соответствующими разъяснениями в Лондон. Однако в ходе расследования, проведенного репортерами австралийских газет, выявились явные несуразицы. Трудно было предположить, что разведывательную экспедицию русские совершали целой эскадрой, а свои секретные донесения адмирал Асланбегов писал в присутствии рядового агента. Анализ текста депеши выявил ряд языковых нелепостей. Некоторые речевые обороты никак не могли быть использованы в русском официальном документе, хотя бы и написанном на французском языке: например, царь именовался в представленном Брайантом-Бомоном тексте «Его Величеством нашим Отцом» («. . . par sa Majeste notre Pere ...»). Отпала версия и о причастности к «подрывной деятельности» Миклухо-Маклая. В защиту русского ученого выступил его друг и биограф профессор Э. С. Томассен (Thomassen). Пришел ответ из Лондона от министра колоний Великобритании лорда Кимберли, в котором фактически отрицалась достоверность информации Брайанта-Бомона.

Австралийские журналисты обратились за разъяснениями к русскому консулу в Мельбурне Дж. Деймиону и флаг-офицеру Асланбегова, лейтенанту В. Н. Фридрихсу, который из-за болезни вынужден был задержаться в Мельбурне и находился на излечении в больнице. Оба подтвердили, что Брайант-Бомон посещал адмирала Асланбегова, но указали, что он, по их мнению, представляет собой одного из многочисленных аферистов, которые толпами осаждают русские военные корабли в каждом зарубежном порту, предлагая командирам всевозможные услуги и сомнительные изобретения. По словам Деймиона и Фридрихса,

Брайант пытался продать Асланбегову за 5 тыс. рублей чертежи подводной мины. Адмирал от сделки уклонился, и раздосадованный «изобретатель» решил ему отомстить. Нелицеприятный отзыв о Брайанте русских подтвердился новыми сведениями о его личности. Выяснилось, что это хорошо известный мельбурнской полиции самозванец, выдававший себя за французского графа Анри де Бомона. После ряда попыток получить по поддельным денежным документам ювелирные изделия в магазинах Мельбурна его арестовали и отправили в Пентриджскую тюрьму, откуда он вышел незадолго до прибытия эскадры Асланбегова. В тюрьме Брайант-Бомон неоднократно утверждал, что им изобретена подводная мина, способная совершить переворот в морском деле. После всех этих разоблачений австралийцы успокоились, и антирусская кампания в прессе прекратилась.

Шумиха, поднятая в газете *Age*, в мае 1882 года докатилась до России. Здесь ко всей этой истории отнеслись с нескрываемой иронией. В газетах *Новое Время* и *Кронштадтский Вестник* появились статьи с соответствующими заголовками. Автор публикации в *Кронштадтском Вестнике* редактор-издатель газеты Н. А. Рыкачев назвал сообщения Брайанта «смешной и глупой сказкой» и выразил удовлетворение, что она была «вполне разоблачена».

Вместе с тем в распоряжении историков до недавнего времени отсутствовали документы, которые бы пролили свет на подлинный характер контактов Асланбегова и Брайанта-Бомона. Не было опубликовано и донесение командующего эскадрой в Петербург с его собственной оценкой антирусских публикаций в *Age*. Все это породило определенные сомнения по поводу истинных намерений русского адмирала и его связей с австралийским проходимцем. Изучение архивных материалов рассеяло эти подозрения. Прежде всего, в деле «О плавании отряда судов в Тихом океане под командованием... А. Б. Асланбегова» отсутствуют документы, которые бы свидетельствовали о наличии враждебных намерений России по отношению к Австралии или о планах противоборства с Англией путем использования русского флота против ее колоний на пятом континенте. Ни в донесении Асланбегова от 11 июня (по старому стилю) 1882 года из Иокогамы о пребывании его эскадры в Австралии, ни в других документах нет ни малейших намеков на существование или попытки организации русской агентурной сети в Австралии.

Что касается контактов адмирала с Брайантом-Бомоном, то по их существу можно сказать следующее. В нашем распоряжении имеются материалы о переписке Морского министерства с российским Министерством внутренних дел в первой половине 1882 года. Из них явствует, что во время пребывания русской эскадры в Мельбурне Брайант обратился к Асланбегову «с предложением услуг к обнаружению нигилистических замыслов», для чего даже выразил готовность отправиться в Петербург. Если учесть, что попытка поступить на службу в охранку была предпринята вскоре после убийства императора Александра II, то нельзя не признать, что Брайант-Бомон хорошо знал политическую конъюнктуру в Российской империи. А.Б. Асланбегов немедленно сообщил о сделанном предложении в Морское министерство, а то, в свою очередь, передало донесение адмирала в Министерство внутренних дел. Руководство тайной полиции заняло, однако, уклончивую позицию по отношению к такому щекотливому вопросу. 14 февраля (по старому стилю) 1882 года из Министерства внутренних дел отправили письмо управляющему Морским министерством вице-адмиралу [И.А. Шестакову](#) с просьбой поручить Асланбегову отклонить предложение Брайанта-Бомона о его поездке в Петербург, но «войти в сношение с нашим консулом в Мельбурне с тем, чтобы последний принял на себя труд расспросить графа Бомона о характере и содержании тех заявлений, которые он желает сделать русскому правительству». Телеграмму соответствующего содержания немедленно отправили в Аделаиду Асланбегову, а тот 28 февраля 1882 года телеграфировал в Мельбурн русскому консулу: «Предложение не принято, известите мсье Брайанта».

Вскоре после этого и появились клеветнические заявления Брайанта на страницах газеты *Age*. Видимо, узнав о них, Министерство внутренних дел России решило вообще

отказаться от каких-либо контактов с авантюристом-провокатором. В письме на имя Шестакова от 27 апреля (по старому стилю) 1882 года выражена просьба «поставить в известность контр-адмирала Асланбегова, что сделанное через его посредство известным ему графом Бомон предложение услуг к обнаружению нигилистических замыслов русским правительством принято быть не может и что вследствие сего в дальнейших с ним сношениях надобности не представляется». Эту информацию адмирал получил уже в Нагасаки, где в это время находилась русская эскадра. Такова подоплека контактов Брайанта-Бомона с русскими военными моряками в Австралии. Думается, что обращение к архивным документам позволяет окончательно опровергнуть подозрения о возможной разведывательной деятельности русских моряков на пятом континенте и поставить в этой истории точку.

Посещение Австралии русской эскадрой в 1881-1882 годах не являлось секретной миссией. Это был визит доброй воли. Шумиха, поднятая на пятом континенте вокруг эскадры Асланбегова, не имела сколько-нибудь существенных последствий для отношений между Австралией и Россией. Несмотря на попытки исказить цели и задачи российских моряков, этот визит остается одной из наиболее ярких страниц в непростой и, как мы увидели, не всегда гладкой истории развития русско-австралийских связей.

**Все даты, кроме особо оговоренных в тексте, даны по новому стилю.*

Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX века. С-П. 1998

Асланбегов А. Б. Отряд судов Тихого океана. Извлечение из рапорта командующего отрядом контр-адмирала Асланбегова... Мельбурн. 19 января 1882 г.// Морской сборник. 1882. N 5.

Руднев В. Ф. Кругосветное плавание крейсера «Африка» в 1880—1883 го-дах. СПб., 1909.

Рыкачев Н.А. Напрасная тревога в Мельбурне//Кронштадтский вестник. 1882. 14 мая

Смирнов М. В. Санитарный и медико-топографический обзор плавания винтового клипера «Пластун» в 1880—1883 годах//Медицинские прибавления к «Морскому сборнику». 1884. Вып. 10. С. 27.

Тимофеевский Ф. Мельбурн//Кронштадтский вестник. 1901. 22 апреля. (Давно забытая публикация воспоминаний Ф. Тимофеевского была разыскана и введена в научный оборот Е.В. Говор).

Австралийская утка//Новое время. 1882. 4 мая

Вести о плавании отряда Тихого океана//Кронштадтский вестник. 1882. 7 мар-та. Гонка судов в Австралии//Голос. 1882. 6 марта.

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4063, л. 434—467. ЦГАВМФ, ф. 41, оп. 1, д. 23, л. 115—116.

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4063, л. 498. ЦГАВМФ, ф. 41, оп. 1, д. 12, л. 278—287.ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4063, л. 588—606.

Fitzhardinge V. Op. cit. P. 150—151. Fitzhardinge V. Russian Naval Visitors to Australia, 1862 1888// Journal of the Roval Australian Historical Society. 1966. Vol. 52. Pt. 2. P. 146-147.

Возврат к главной странице www.warsstory.org